

1

Одно время я просто не вылазил из командировок. Наздился до того, что жена моя первая, когда я в очередную командировку уехал, собрала вещички свои, да к родителям и воротилась. А перед этим чуть не из-за каждой поездки скандалы в доме стояли такие, что не очень-то я и расстроился, когда меня бросили.

Ну, а совсем перед тем, как второй раз жениться и с кочевой своей жизнью насовсем распрощаться, попал я осенней порой в старинный небольшой городок, недалеко от границы. К сожалению, время еще было такое, когда за билетами, куда б ты ни ехал, в диких очередях приходилось выстаивать, да и достоявшимся тоже никто гарантии не давал, что удастся купить билет на нужное время и направление. Однажды пришлось мне в Москву из Уфы добираться через Ташкент и Адлер. Главбух чуть с ума не сошел, когда я билеты выложил.

Так вот и получилось в тот раз, что уехать пришлось на день раньше, потому что мне на испытательном полигоне непременно нужно было быть вовремя.

2

Ну, приехал... Город чужой, времени свободного – пруд пруди, – самое то, что нужно, замечательно просто. А город открылся уютный, красивый, зеленый – необыкновенно. Я наслаждался чудесной оказией, и бродил, бродил – никого ни о чем не спрашивая – до бесконечности. Наконец, незадолго до вечера, забрел на окраину и очутился перед высокой стальной оградой с великолепными коваными воротами:

и диковинные животные на них были, и причудливые цветы и растения... Не ворота, а кузнечный шедевр. Створки стояли открытые настежь, и за ними хорошо виден был белый большой особняк с портиком и колоннами, а дальше, за подъездной аллеей, бесконечно тянулся парк – и ни единого человека нигде; и мне вдруг ужасно захотелось прогуляться по парку: отчего-то подумалось, что он должен воротам замечательным по красоте соответствовать. Подумано – сделано. Приближаться к особняку я не стал: мало ль кто там обитает и чем это для меня может кончиться. Нет, бояться я ничего не боялся, просто приключений на свою голову искать не хотелось, не в моем это характере, потому я тут же с главной аллеи свернул и пошел бродить по дорожкам.

Сад выглядел довольно запущенным. Будто много лет никто ни к чему здесь не прикасался. Но по мне так – даже и лучше, чем когда все вылизано, как на параде. Природа тогда – будто стерилизованная, дистиллированная – неживая, одним словом, – вроде лица на котором ни родинки, ни ямочки, ни другого симпатичного какого-нибудь изъянца.

А всюду скульптуры разные, фонтаны причудливые, беседки, портики... Только вся эта красота тоже запущенная-заброшенная: скульптуры с отломанными руками-ногами, портики и беседки местами разрушены, в трещинах, фонтаны ползучей гадостью и бурьяном позарастали... И потому ощущение возникало такое, будто время в чудном этом месте тоже немного разрушилось и от этого остановилось.

Бродил я довольно долго, пока, уже на заходе солнца, не вышел к откосу. С откоса видна была широкая, нарядная в свете закатном, речка, через речку – длинный ажурный мост, и за мостом – город, зажигающий первые огоньки. А дорожка, которая к речке вела, уперлась в высокую и длинную перголу (я потом на даче себе такую же сделал, только, конечно, пониже и покороче). Пергола, увитая лозой дикого винограда, была ярко-красной, будто небеса закатные в ней отражались – красиво необычайно. Как и все в этом саду, пергола тоже немного разрушилась, но еще была ничего, не такая, чтобы стоило чего-либо опасаться. Нырнул я в суме-

речный коридор и стал спускаться по склону, пока не вышел наружу, к узкому металлическому мостику через ручей. Перешел – и вижу: большая земляная площадка, окруженная огромными валунами, на другой стороне площадки – скала – могучая, мрачная, с покатою плоской вершиной; а на самой вершине – метрах в трех-четыре над землей, прямо над той дорожкой, по которой только и можно к речке спуститься, уместился полого гигантский обломок: будто чудовищной силой скалу надломило, да кусок отломившийся так на вершине лежать и остался. Казалось, громадный камень лежит непрочно, чудом только, потому что под свежим ветром даже слегка покачивается. Впечатление создавалось такое, что вот-вот глыба рухнет вниз и все под собою раздавит. И тут показалось мне, а может, померещилось просто в неверном закатном свете, что на скале... вроде как написано что-то, но не по-нашему... Солнце на сизом небе пунцовым светом пылает, от скалы – тень густая клином через всю площадку легла, валуны путь обходной загораживают, и иначе к реке не пройти никак... Можно, конечно, назад повернуть, но мне вдруг втемяшилось, что обязательно надо к реке спуститься, – и от этой опасности мнимой воображение мое вдруг разыгралось, как-то не по себе стало, знобко даже...

3

– Здравствуйте. Вы кто, извиняюсь, будете?

Я аж вздрогнул от неожиданности, обернулся: передо мной маленький, сухонький старичок стоит, – голову набок склонил, взгляд из под мохнатых седых бровей серьезный, из солидного глиняного чубука дым в вислые казацкие «вуса» пускает.

– Да так, – отвечаю, – приезжий, а здесь как, нельзя посторонним?

– Отчего ж таки, можно, стойте, чего путного, может, и выстоите... А с экскурсией утречком – не схотели?

Голос у старичка был жиденький, сильно на женский похожий, но уверенный и не сердитый, и я ни минуты не дергался, что в чужие палестины забрался.

– А я не с экскурсией, я сам по себе, командировочный. Скажите, а что на скале действительно надпись или мне только кажется?

– То так, напыс есть, только там на латиньском напысано, да суморок, потому не понять.

– Нет, по латыни я все равно бы не прочитал. А что надпись значит?

– Так то и обозначает, отчего вы до камню приближаться не сильно желаете, а здесь утвердились. – Сказал старичок, улыбнувшись и выпустив в небо дымное облако. – Но если желаете, посидим в сторожке моей (караулю я тут), повечеряем разом, чтобы мне одному не так нудно было, а я вам про камень та напыс историю и доложу.

4

Может, что и совру, а только на бумаге нисколько о том не сохранилось – потому, неписьменный народ обретался.

Жил в давнее время, при крепостном еще праве, в имении этом пан. Был пан шляхетный, гербовый – куда там... От только за годами имя паново не збереглося.

И все у того пана имелось: достаток, панна красуня, два паныча-подлетка... Чего еще надо? А только так не бывает, чтоб все у человека имелось, и ничего ему сверх того не желалось. Вот и пана нашего стало в одночасье корчить оттого, что не ведом он никому – вишь, славы ему приспичило. А откуда ж той славе свалиться, коли пан ленющий был – почище вареника: только его и хватало, чтоб в гости к кому забраться, в карты резаться, горилку трескать, да по чужим бабам да девкам шастать. Так и то сказать, сильно пан девок любил, и немалое их число по округе всей перепортил; так откуда ж в других делах усердию взяться, ежели вся ретивость на девок тех и уходила.

А особо владетеля разбирать стало, когда сосед его першим в этих краях мельницу паровую завел, и, надо ж такому, почти в то же время приятеля его наближайшего мировым судьей выбрали.

Совсем пан после того с ума сходить начал – ровно взбесился. Крепака своего за паршивого зайца чуть до смерти не запорол. Панну, по пьяному делу, прибил; так прибил, что она забрала панычей и, не медля, съехала – будто у воду канула.

Ни с того ни с сего запретил бабам, сроду такого не знали, в лес по грибы ходить, да ягоды собирать... В общем – творил чудеса.

Так он чуть не полгода дурил, а бестолку надурившись, собрал свой народец мастеровой, выстроил перед домом и посулил тому, кто что-нибудь разпроэтакое измыслит – этакое, чтоб с ног сшибало, чтоб завидки соседей взяли, и округа гадала как заведенная – вольную тут же выписать и всем его домочадцам в придачу.

5

На селе – то почти что закон – коваль – мастер наиглавнейший. Оттого у коваля в хате и сошлись погугарить про панску шараду. И раз сошлись, и второй... Да разве ж кто ни с того ни с сего что необычайное измыслить способен? Это ж не табуретку сварганить, это природно человеку тому должно быть.

Вы решетку при входе в сад наш видали? Ну вот с того и начнем.

Сыновей ковалю жинка родить не сподобилась. Произвела на свет четырех девок, а потом хворобу какую-то заимела, на том продолжение рода ковальского и остановились, и передать свое мастерство ковалю, вроде бы, некому выходило. Но то только вроде бы, потому как три девки обыкновенных у коваля народилось, а одна, самая старшая, её Настькой звали, была, как и не девка вовсе: роста громадного – выше батыки, лицо грубое, рябое – мужичье, силища в руках – я ти дам. Хлопцы не то, что любезничать, подходить опасались. Подковы, понятно, Настька не гнула, но когда в ухо залившему зенки охальнику врезала, того чуть не с того света пришлось ворочать. После того ухажеров, даже по пьяному делу, как-то не находилось.

Всё, видать, оттого пошло, что еще сызмальства наладилась Настька в кузню бегать, отцу подсоблять. И такая в ней страсть обнаружилась к этому делу, такая жилка, что коваль только головой качал, да руки разводил. А Настька выдумщица уродилась – страшенная. Вечно у ней в голове какая-нибудь идея крутилась: всё старалась по-своему измыслить, как-то не так, как все делают; а как выкует вдруг для души

какую чудовинку, так её на базаре вмиг оторвут. Часом коваль, шутки ради, как загнёт на ярмарке цену... Куда там, и шуток не понимали, раскошеливались. Потому, когда пан ворота ковать заказал, коваль Настьку в подмастерья свои наладил окончательно и бесповоротно – ото ж она все фигурки на воротах и понапридумывала, а коваль и не возражал, потому понимал – мастер знатный растёт, не ему чета. А когда барин орать вознамерился, что нескончаемо работа та тянется, коваль ему цветы кованые к особняку привез и положил на пороге – на том ор панский и кончился.

Так-то оно всё замечательно вроде, да только, понятно, несчастливая девке выпадала судьба: подружек не водилось у Настьки сроду, парни тоже в компанию не принимали, только и был свет в окошке, что батя да кузница. В перестарках уже ходила.

Так чего учудила! Отпросилась как-то раз в город – на неделю целую, вроде ей захотелось на людей поглядеть да скуписья. А после того, через короткое время, обнаружилось, что Настька после той поездки тяжелая – ну шуму было! Мать чуть из хаты не выгнала, сестры брезгливо фыркали, по селу народ ухохатывался, пальцем на девку тыкал. Только коваль тогда дочкин поступок и понял, да пожалел; посадил он ее на возок, да, чтоб дураки душу девке не бередили, свез незнамо куда, где Настька и родила, подальше от взглядов косых, да тупых голов.

Народ языки почесал-почесал, да вскорости и надоело, а пацан видный родился, ковалю и Настьке на долгую радость.

6

Ну, вот потрошку до камня и дошкандыбали. К той поре, когда пана думки о славе одолевать стали, Настька уже в настоящие ковали вышла. Только ровней себе, из-за бабьей ее принадлежности, мастера местные Настьку не признавали, на сходки цеховые звать не сподоблялись; и на этот раз так затевалось. Но только тут не в меру серьезно всё выходило, не до фанаберии. Пришлось-таки кузнечиху позвать, чтоб и она себе голову над панской задачей ломала.

Первый раз от задумки Настасьиной мужики аж покатились, затюкивать бабу стали, а только Настасью тем с толку

не сбить было, не тот заквас, не тот норов. Дождалась она, когда все отзубоскалятся, и давай, заместо насмешек, помощи ихней просить, а тут и батька её, как положено, голос свой поднял, давайте, говорит, разбираться, а насмешки строить – немудрёная штука; так дело и двинулось.

Когда все до мелочи обмозговали, собрались мастеровые гуртом и двинулись, вместе со старостой, к пану. Позначили в общих чертах задумку, да и стали просить, чтобы позволил пан всей деревней на работу ту навалиться – не осилить иначе, а если что путное из затей выйдет, отпустить на волю их деток, а им самим, сверх такой его милости, ничего и не надобно. Понятное дело, затею ту тоже Настька придумала, а пан, даром что с гонором, без дальних слов и согласился. Согласился – да и укатил; видно, тоска его на самоте одолевать стала. Воротился пан тогда только, когда управитель оповестил, что дело все сделано и можно гостей скликати.

7

Всем миром тогда налегли и управились к осени, потому как по осени в нашей местности серьезные ветродуи – корень наиважнейший, чтоб товар наилучшим образом предъ-явить. А от этого, сами должны понять, что зависело.

Денёк выдался тогда яркий, ветреный, как мастера и подгадывали. Площадку перед скалой цветами украсили, дорожку, что от моста железного за скалу к речке ведет, чистым речным песочком посыпали, на каждый валун поставили меленки кованые с колокольцами, и у меленок крылья крутились, и звон тихий от колокольцев поширивался – в общем, навели красоту. А за скалой сразу, вы туда чуток не дошли, а в сумороке не разглядеть, тоже малесенькая площадка имеется. Там бабы в тот день столы праздничные накрыли с пирогами да пирожными, самовары жаровые, до нестерпного блиску начищенные, вскипятили и дворню в нарядах праздничных наготове поставили – дорогих гостей потчевать.

Спустились дамы и господа от панского дома, прошли насквозь перголу – новомодная штука была, ее тоже на тот случай поставили – перебрались через мосток, на площадке расположились и... стоят. Ветер маленько посвистывает, колокольцы легонько позванивают, кусок страшный над

дорожкой качается – полный вид, будто в сей момент поползет, обвалится и всех под собою прихлопнет. Стоять дороги гости, попритихали, к угощению не поспешают, меж собой перешиптуются. А пан вдруг как став смеяться – и остановиться не може, аж слезы з глаз, чуть от хохота боки не надсадил. Так ухохатываясь, в три погибели согнутый, добрался до угощения – и стоит чай пьет, руками махает – к столу гостей кличе. А только еще один молодой офицерик пошел, да приятель пана, что мельницу паровую построил, а остальные пошущукались, пошептались промеж собою, да в дом и возвратились.

После того посещения и наказал пан на скале надпис выдолбить. «Дубиум» там надписано, «сомнение» значит. Вы вот тоже, заметил я, засомневались. А в войну в саду авиабомба жажнула, в имении стекла все повывлетали, деревья с корнем повыворачивало, а каменюка как раскачивалась да сползала, так и посейчас продолжает.

Старичок замолчал, склонил голову набок, прищурился, посопел чубуком, посмотрел на меня, улыбнулся хитро и закончил:

– А в округе скалу эту все «Настькиным камнем» кличут, и в книжках так, ясное дело.